

Лермонтов Михаил Юрьевич

**Полное собрание сочинений М.Ю.
Лермонтова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Юрьевич Л.**
Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова / Лермонтов Михаил Юрьевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 513 с.

ISBN 978-5-519-93257-8

ISBN 978-5-519-93257-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1828 г.

Ц ѣ в н и ц а,

На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій
зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій,
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ и грацій;
И кусть прелестныхъ розъ, вздѣлѣянныхъ
весной,

Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечной
Струилъ свой ароматъ; шума съ прибрежной
ивой,

Шутилъ подчасъ зефиръ и рѣзвый, и игривый;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь!..
Сокрылось все теперь: такъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны
Исчезло все теперь! но ты осталось мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ,
О милое, души святое воспоминанье!
Тебѣ жъ, о мирный кровъ, тѣхъ дней, когда
страданье

Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный
Мое веселіе, ужъ взятое гробницей, рокъ—
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой
цѣвницей.

Заблужденіе Купидона.

Однажды женщины Эроса отодрали...
Досадой раздражёнъ, упрямое дитя,
Напрягши грозный лукъ и за обиду мстя,
Не смѣя къ женщинамъ, къ намъ ярость
острой стали,
Не слушая мольбы усердѣйшей, стремить..
—„Вашъ подлый родъ одинъ!“ безумный
говорить.
Съ тѣхъ поръ то женщина любви не знаетъ!..
И точно какъ рабовъ считаетъ насъ она...
Такъ въ наказаніяхъ всегда почти бываетъ:
Которые смиренѣй, на тѣхъ падеть вина!

О с е н ь.

Листья въ полѣ пожелѣли,
И кружатся и летятъ;
Лишь въ бору поникши ели
Зелень мрачную хранятъ.

Подъ нависшею скалою,
Ужъ не любить, межъ цвѣтовъ,
Пахарь отдыхать порою
Отъ полуденныхъ трудовъ.
Звѣрь отважный по неволѣ
Скрыться гдѣ нибудь спѣшитъ.
Ночью мѣсяцъ тусклъ, и полѣ
Сквозъ туманъ лишь серебрить.

1829 г.

Д в а с о к о л а,

Стопъ, синѣя, разстилалась,
Близъ азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ, и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ.

И, трянувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.

„Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!“

„Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей“.

„Что жъ ты видѣлъ тамъ худого?“

„Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ—смѣхъ тоска милаго,
Для дѣтей—тиранъ отецъ.“

Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнуть юноши толпой!..

Братецъ, братецъ, ты что жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй“

„Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей“

Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Вспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.

Гордость, вѣрь ты мнѣ прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной—
Ножъ для сердца вѣковой!“

Ч е р к е ш е н н а.

Я видѣлъ васъ: холмы и нивы,
Разнообразныхъ горъ кусты,
Природы дикой красоты,

Степей глухих народъ счастливый,
И нравы тихой простоты!
Но тамъ, гдѣ Терекъ протекаетъ,
Черкешенку я увидалъ,—
Взоръ дѣвы сердце приковалъ;
И мысль невольно улетаетъ
Бродить средь милыхъ, дальнихъ скалъ...
Такъ духъ раскаянiя, звуки
Послышавъ райскіе, летить
Узрѣть еще небесный видъ;
Такъ стонъ любви, страстей и муки
До гроба въ памяти звучить.

Грузинская пѣсня.

Слышано мною что до подобное на Кавказѣ,

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая:
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.
Ахъ! ею старый армянинъ
Гордился!
Вкругъ нея кристаллы, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука.
Ласкаетъ дѣву всякій день,
И что же?
Скрываются красы какъ тѣнь...
О Боже!
Онъ опасается измѣны,
Его высоки, крѣпки стѣны;
Но все любовь
Презрѣла. Вновь
Румянецъ на щекахъ живой
Явился
И перлъ между рѣсницъ порой
Не бился..
Но армянинъ открылъ коварность,
Измѣну и неблагодарность...
Какъ перенести!
Досада, месть,
Впервые васъ, онъ только самъ
Извѣдалъ!
И трупъ преступницы волнамъ
Онъ предалъ.

П а н ь.

Въ древнемъ родѣ.

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ
день,
Укрывшись лѣсовъ въ таинственную сѣнь;
Или, подъ вѣтвями пустынныхъ рябины,
Смотрѣть на сивія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ
И пляшутъ вернутъ меня на бархатъ луговъ.
Но чаще Богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмѣль,

Въ одной рукѣ его—стаканъ, въ другой
сверѣль.
Онъ учить пѣть меня, а я въ тиши дубравы,
Играю и пою, не зная жажды славы.

Жалобы турна.

Письмо къ другу иностранцу.

Ты зналъ ли дикій край, подъ знойными
Гдѣ роши и луга поблекшіи цвѣтутъ. [лучами
Гдѣ хитрость и безпечность злобъ данъ несетъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
И гдѣ являются порой
Умы и хладные, и твердые какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный
пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за утѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и пѣней!
Другъ, этотъ край—моя отчизна!..

Мой демонъ.

Собранье золь—его стихій.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любить бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средъ вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ уныль и мраченъ опъ.
Онъ недоверчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь,
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давить голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

Эпиграммы.

I.

Есть люди странные, которые съ друзьями
Обходятся какъ съ шуртуками:
Покуда новъ шуртукъ; въ чести,—а тамъ
Забудь и подаренъ слугамъ!..

II.

Тотъ самый человѣкъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой.

III.

Поэтомъ (хоть и это бремя)
Изъ журналиста быть тебѣ не суждено:
Ругать и льстить, и лгать въ одно и тоже
Признаться—очень мудрено!.. [время—

IV.

Г—ну П.

Аминтъ твой на глушица походить,
Когда за счастьемъ бѣжить;
А подъ копей такъ крѣпко спигъ,
Что даже сонъ другимъ наводить.

V.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной—все то же,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ тронхъ избавь насъ, Боже!

VI.

Дамонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился,
Когда тотъ кончилъ жизнь; понявъ онъ гру-
стить:
(Но не о томъ, что жизни другъ лишился)
Пять разъ забылъ онъ взять билеты за ви-
зай!

О т в ѣ т ь.

Кто муки зналъ когда нибудь,
И чьи къ любви закрылись вѣжды;
Тогда отъ страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Онъ любить мракъ уединенія,
Онъ больше не знакомъ со слезой,
Предъ нимъ исчезли упоенья
Мечты безплодной и пустой,
Онъ чувствъ лишенъ; такъ пень лѣсной,
Постигнутъ молнией, догораетъ,
Погасъ - и скрылся жизни сокъ,
Онъ мертвыхъ вѣтвей не питаетъ,
На немъ печать оставилъ рокъ

Къ NN.

Не играй моей тоской,
И холодной, и нѣмой.
Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце (Богъ тому судя)
Жметъ невѣдомое бремя!..
Я хладѣю и горю;
Самъ съ собою говорю:
Вземлю смертному напѣву;
И гляжу на бѣгъ рѣки.
На ударъ моей руки,
На поверженную дѣву!
Я ищу въ ея глазахъ,
Въ измѣнившихся чертахъ,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно; злобный рокъ
Начертать сего не могъ
Чтобъ мое покоить мщенье.

Къ Иос. Петр. Грузинову.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной:
Ты музъ прилежный обожатель—
Имъ даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманешь никакъ:
Вѣдь музы—женщины... итакъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

Жена сѣвера.

Покрыта тайнствъ легкой сѣткой,
Межъ скалъ полуночной страны
Она являлась нерѣдко
Въ года волшебной старины
И Фина дикіе сыны
Ей храмины сооружали,
Какъ грозной дочери боговъ;
И скалды сѣверныхъ лѣсовъ
Ей вдохновенъ посвящали.
Кто зрѣлъ ее, тотъ умиралъ.
И слухъ въ утрюмой полуночи
Бродилъ, что будто какъ металлъ.
Язвили голубыя очи,
И только скалды лишь могли
Смотрѣть на дѣву издали.
Они платили пѣснопѣньемъ
За пламенный восторга часъ.
И, пробужденъ вѣнымъ видѣньемъ,
Былъ строенъ ихъ невнятный гласъ.

Къ другу.

Взлелѣянный на лонѣ вдохновенъ,
Съ дѣятельной и пылкою душой,
Я не плѣненъ небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустого сна.
Не буду я счастливымъ близъ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, другъ, узнать не долженъ кто она.
Навѣкъ мы съ ней разлучены судьбою.
Я побѣдить жестокость не умѣлъ.
Но я ношу отказъ и месть съ собою;
Но я въ любви моей закоренѣлъ.
Такъ воръ сѣдой загложивъ дубравы
Не кается еще въ своихъ грѣхахъ;
Еще онъ путниковъ, есѣдей страхъ,
И милъ ему товарищъ, ножъ кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого отъ самой колыбели
Игралище и рока, и страстей,
Къ одной святой неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ и не оставляю ихъ!..

* * *

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный—
Я кончу жизнь мою;
Винновыи предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что смерть? Лишь ты не измѣнишь душою—
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любови не охладятъ;

Гдѣ не отниметь счастья изъ шутки,
 Какъ здѣсь, у брата брата.
 Когда же вѣсть кровавая примчится
 О гибели моей,
 И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
 Толпы другихъ людей...
 Тогда... Молю!.. единою слезою
 Почти холодный прахъ
 Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
 Искалъ въ твоихъ очахъ
 Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
 Кто предъ тобою открылъ
 Тайственную душу и мученья,
 Которыхъ жертвой (ы.гъ.
 Но если... если надъ мной позоромъ
 Смѣяться станешь ты
 И возмутишь несправеднымъ укоромъ
 И рѣчью клеветы
 Обиженную тѣнь... не жди пощады:
 Какъ чернь къ душѣ твоей
 Я прицѣплюсь, и каждый мигъ отрады
 Несносенъ будетъ ей,
 И будешь помпировать прежнюю безпечность,
 Не зная воскресить,
 И будетъ жизнь твоѣ долга, какъ вѣчность,
 А все не будешь жить.

Къ ***.

Глядися чаще въ зеркала,
 Любуясь милыми очами,—
 И свѣта шумная хвала
 Съ моими скромными стихами
 Тебѣ покажутся яснѣй.
 Когда же вздохъ самодовольный
 Изъ груди вырвется невольно,
 Когда въ молодой душѣ своей
 Самолюбивыя волненья
 Не будешь въ силахъ утаить,—
 Мою любовь, мои мученья
 Ты оправдаешь, можетъ быть.

Къ ...

Мы снова встрѣтились съ тобой,
 Но какъ мы оба измѣнились!
 Года унылой чередой
 Отъ насъ невидимо сокрылись
 Ищу въ глазахъ твоихъ огня,
 Ищу въ душѣ своей волненья!
 Ахъ! какъ тебя, такъ и меня
 Убило жизни тяготѣнье!..

Монологъ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣш-
 немъ свѣтѣ!
 Къ чему глубокія познанья, жажды славы,
 Талантъ и пылкая любовь свободы,
 Когда мы ихъ употребить не можемъ?
 Мы дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
 Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
 Какъ содище зимнее на сѣромъ небосклонѣ,

Тамъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
 Ея однообразное теченье...
 И душно кажется на родинѣ,
 И сердцу тяжело, и душа тоскуетъ,
 Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
 Среда бурь пустыхъ томится юность наша
 И быстро злобы ядъ ее мрачить.
 И намъ горька остылой жизни чаша,
 И ужъ ничто души не веселить.

Молитва.

Не обвиняй меня, Всесильный,
 И не карай меня, молю,
 За то, что мракъ земли могильный
 Съ ея страстями я люблю;
 За то, что рѣдко въ душу входитъ
 Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
 За то что въ заблужденіи бродить
 Мой умъ далеко отъ Тебя;
 За то, что лава вдохновенья
 Клокочетъ на груди моей;
 За то, что дикія волненья
 Мрачатъ стекло моихъ очей;
 За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
 Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь
 И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсень
 Я, Боже, не Тебѣ молюсь,
 Но утаси сей чудный пламень —
 Всесожигающій костеръ,
 Преобрати мнѣ сердце камень,
 Останови голодный взоръ;
 Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
 Пускай, Творецъ, освобожусь;
 Тогда на тѣсный путь спасенья
 Къ Тебѣ я снова обращусь.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

I.

Три вѣдьмы.

(ИЗЪ МАКБЕТА, ФР. ШИЛЛЕРА).

ПЕРВАЯ.

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
 Чинилъ онъ, веселье, сѣти;
 Какъ будто въ рубищѣ бѣднѣкъ
 Имѣлъ златыя горы!
 И съ пѣснью день и ночи мракъ
 Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ...
 Я жъ, поклялась ему давно,
 Что сердить все меня одно...
 Однажды рыбу онъ ловилъ
 И кладъ ему попался;
 Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ —
 Ядъ черный въ немъ скрывался.
 Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ —
 И пѣсню не было съ тѣхъ поръ!

ДРУГИЯ ДВА.

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ—
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ПЕРВАЯ.

И вотъ, гдѣ онъ—тамъ пиръ горой,
Толпа увеселеній!
И прочь, какъ съ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни...
Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы—прахъ пустой!

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ.

Не зналъ глупецъ средь тѣхъ минутъ,
Что ваши деньги въ адъ ведутъ!

ПЕРВАЯ.

Но бѣдность скоро вновь бѣжить,
Друзья исчезли ложны;
Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ,
Къ врагу людей, безбожный!
И на дорогѣ ужъ большой
Творилъ убійство и разбой...
Я нынѣ близъ рѣки иду
Свободною минутой —
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: „мнѣ жизнь пуста!
Вы, отверженіи полны,
Блаженство, злато!.. вы мечта!..“
И заблѣбли волны...

II.

Встрѣча.

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла;
Еще я зрю ее передъ собой:
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной, и гордой красотой,
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты-ударилась о струны.
Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудесный
И что я пѣлъ — напрасно вновь пою
Я звукъ нашедъ дотолѣ неизвѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю:
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно
И вмигъ она расторгла цѣпь свою:
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя, и вдохновенья.

III.

Къ Нинѣ.

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья проплаго мечта...
По одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота...
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.
Пусть навѣкъ—съ златымъ мечтаньемъ —
Пусть тебѣ, глаза закрыть...

Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить.
Но увь! ты любишь свѣтъ —
И любви моей какъ нѣтъ!

Можетъ-ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта, волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умереть небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?..

IV.

Перчатка.

Вельможи толпою стояли
И молча зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестялъ.
Вотъ царскому знаку внимаютъ,
Скрипучую дверь отворяютъ —
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣнливо,
Трясаетъ желтой гривой;
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.

И царь махнулъ снова —
И тигръ суровый
Съ дикимъ прыжкомъ
Взлетѣлъ опасный,
И, встрѣтаясь со львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тихо владыку обходить,
Глазъ кровавыхъ не сводить...
Но, рабъ предъ владыкой своимъ,
Тщетно ворчить и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.

Сверху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четюю.

И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
„Рыцарь, пытать я сердце люблю!
Если сильна такъ любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
Такъ подымите перчатку мою!“

И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжить
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ
И смѣлой рукой подымаетъ.

И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи;
Трепеща, на юношу смотреть въ молчаньи,

Но вот он перчатку приносить назадъ;
 Отовоюду хвала вылетаетъ;
 И нѣжный, пылающій взглядъ —
 Недалняго счастья закладъ —
 Съ рукой дѣвицы героя встрѣчаетъ.
 Но, досады жестокой пылая въ огнѣ,
 Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
 „Благодарности вашей не надобно мнѣ!“
 И гордую тотчасъ покинулъ.

V.

Дитя въ люлькѣ.

Счастливы ребенокъ! и въ люлькѣ просторно
 ему; но дай время
 Сдѣлаться мужемъ — и тѣсенъ покажется
 міръ.

VI.

Къ ***.

Дѣлисъ со мною тѣмъ, что знаешь,
 И благодаренъ буду я;
 Но ты мнѣ душу предлагаешь —
 На кой мнѣ чортъ дупа твоя!

VII.

Баллада.

Надъ моремъ красавица дѣва сидитъ
 И, къ другу ласкаясь, такъ говоритъ:
 „Достань ожерелье, спусти на дно:
 Сегодня въ пучину упало оно.
 Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь“.
 Вскипѣла молодая у юноши кровь
 И умъ его объялъ невольный недугъ...
 Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.
 Изъ бездны перловые брызги летятъ,
 И волны тѣсняются, и мчатся назадъ,
 И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
 Вотъ милого друга онъ принесутъ.
 О счастье! онъ живъ, онъ скалу ухватилъ,
 Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ онъ былъ!..
 Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ,
 И влажные кудри бѣгутъ по плечамъ...
 „Скажи, не люблю ли я тебя?
 Для перловъ прекрасныхъ и жизнь не щади.
 По слову, спустился на черное дно...
 Въ коралловомъ гротѣ лежало оно.
 Возьми!“ И печальный онъ взоръ устремилъ.
 На то, что дороже онъ жизни любилъ.
 Отвѣтъ былъ: „о милый! о юноша мой!
 Достань, если любишь, кораль дорогой“.
 Съ душой безнадежной молодой удалецъ
 Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораль иль конецъ.
 Изъ бездны перловые брызги летятъ,
 И волны тѣсняются, и мчатся назадъ,
 И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
 Но милого друга онъ не несутъ.

Элегія.

О, если бъ дни мои текли
 На лонѣ сладостномъ покоя и забвенья,
 Свободно отъ суеты земли

И далеко отъ свѣтскаго волненія!
 Когда-бы, усмиря мое воображеніе,
 Мною игры младости любимы быть могли!
 Тогда-бъ я былъ съ весельемъ неразлученъ,
 Тогда-бъ я вѣрно не искалъ
 Ни наслажденія, ни славы, ни похвалъ.
 Но для меня весь міръ и пусть и скученъ
 Любовь твоя не лѣститъ душѣ моей:
 Ищу измѣнъ и новыхъ чувствованій,
 Которыя живутъ хоть колкостью своей
 Мнѣ кровь, угася отъ грусти, отъ страданій,
 Отъ преждевременныхъ страстей!

Портреты.

I.

Этотъ портретъ былъ доставленъ одной дѣвушкѣ.
 Она въ немъ думала узнать меня. Вотъ за какою
 эгонста принимаютъ обыкновеннаго поэта

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,
 Но взоръ горитъ, любовь сушитъ;
 И на челѣ оставилъ рокъ,
 Средь юныхъ дней, печать страстей
 Власы на немъ, какъ смоль, черны;
 Блѣдны вѣгда его уста;
 Открыты ль, сомкнуты ль они,
 Ликъ безъ словъ языкъ боговъ!..
 И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
 Грозитъ бѣдой перунъ земной!
 Не любить онъ и славы дымъ;
 Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
 Смѣется рѣдко; чаще вновь
 Клянется онъ міръ, гдѣ вѣчно сирь.
 Коварность, зависть и любовь
 Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ
 Какъ призракъ дымныя мечты.
 Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
 Не тронутъ слезы красоты.
 Вездѣ одинъ, природы сынъ,
 Не зналъ онъ друга межъ людей;
 Такъ бури токъ сухой листокъ
 Мчитъ жертвой посреди степей!..

II.

Довольно толстъ, довольно тученъ
 Нашъ полновѣсистый герой,
 Не рѣдко веселъ, часто скученъ,
 Любезенъ, гордъ, сердитъ порой.
 Онъ добръ, членъ нашего Парнаса
 Красавицамъ Москвы смѣшонъ,
 На крыльяхъ дряхлаго пегаса
 Летаетъ въ міръ мечтальца онъ.
 Глаза не слишкомъ говорливы,
 Всегда по модѣ онъ одѣтъ.
 А щеки — полненькія сливы,
 Такъ говоритъ докучный свѣтъ.

III.

Лукавъ, завистливъ, золъ и страстенъ
 Отступникъ Бога и людей;
 Холоденъ, всѣмъ почти ужасенъ,

Своими ласками опасенъ,
А въ заключеніе — злодѣй!..

IV.

Все въ мірѣ суета, онъ мнить, или отравя, —
Возвышенной душой: предметъ стремленья
слава.

V.

Всегда онъ съ улыбкой веселой
Жизнь любить и юность румину,
Но чувства глубоки питаешь, —
Не знаетъ онъ тайны природы.
Онъ скрываетъ всегда, постоянень,
Не знаетъ горячихъ страстей.

VI.

Онъ любимецъ мягкой лѣни,
Сна и низкихъ всѣхъ людей;
Онъ любимецъ наслажденій,
Врагъ губительныхъ страстей!
Русы волосы кудрями
Упадаютъ средь ланитъ;
Взоръ изнѣженъ, и устами
Онъ лишь рѣдко шевелить.

Посвященіе NN

При случаѣ ссоры съ Сабуровымъ.

Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы!
Оттѣнокъ чувствъ тебѣ несу я въ даръ.
Хоть ты презрѣлъ священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринулъ жаръ.
Я знаю все: ты вѣтренъ безразсуденъ,
И ложный другъ ужъ въ сѣть тебя завлечъ,
Но вспоминай, что путь ко счастью труденъ
Отъ той страны, гдѣ царствуетъ порокъ!..
Готовъ на все для твоего спасенья!
Я такъ клялся, и къ гибели летѣлъ;
Но ты молчалъ и, полный подозрѣнья,
Словамъ моимъ повѣрить не хотѣлъ...
Но часъ придетъ, своимъ печальнымъ взоромъ
Ты все прочтешь въ вѣмой душѣ моей; —
Тогда: — бѣги, не трать пустыхъ рѣчей, —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ!..

Къ гению.

Напоминаніе о томъ, что было въ Ефремовской
деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ лю-
билъ 12 лѣтъ — и понынѣ люблю.

Когда во тьмѣ ночей мой, не смыкаясь,
взоръ
Безъ цѣли бродить вкругъ; прошедшихъ
дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ воспоминаю:
Какому тяжкому я придаюсь мечтанью!
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь
мою
И твней, и любви свидѣтелей!.. „Люблю!“
Творжу, забывшись, имъ. Но, полный весь
тоскою,

Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною
Такъ счастье вѣдалъ я — и сладкій мигъ
исчезъ,

Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь
небесъ!

Но я тебя молю, мой неизмѣнный гений:
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохно-
веній

Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда...
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы,
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирою золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья!..
... И я приду сюда, и не узнаю васъ,
О, струны звонкія!

Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ
длинною палью

Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ —
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ —
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и
стыдливый!

И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!..
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ раз-
луки,

Какъ я почти забылъ и радости, и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ..
Забуду любовь мою! покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ
сладость!

Забудь!.. Пускай другой твою украситъ мла-
дость!

Ты жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ
странъ,
Гдѣ стелется эвиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечною драгою,
Хранители души, останьтесь ввѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ ми-
лыхъ лѣтъ

П и р ь.

Къ Сабурову. „Какъ онъ не понималъ моего пыл-
каго сердца?“

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ снѣгъ черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блещутъ въ стаканахъ прищипца!

Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и она
А свѣдь—кусочъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

Покаяніе.

дѣвѣ.

— Я пришла, святой отецъ,
Исповѣдать грѣхъ сердечный,
Горестъ, роковой конецъ
Счастья жизни скороточной!

попѣ.

— Если духъ твой изнемогъ,
И въ сердечномъ покояньи
Изліешь свои страданья:
Грѣхъ проститъ Великій Богъ!

дѣвѣ.

— Нѣтъ, не въ той я здѣсь надеждѣ
Чтобы сбросить тягость бѣдъ:
Все прошло, что было прежде,
Гдѣ жъ найти уплывшихъ лѣтъ?
Не хочу я предъ Небеснымъ
О спасеньи слезы лить,
Иль спокойствіемъ чудеснымъ
Душу грѣшную омыть;
Я спѣшу передъ тобою
Исповѣдать жизнь мою,
Чтобъ не умертвить съ собою
Все, что въ жизни я люблю!
Слушай, тверже будь — скрѣпися,
Знай, что есть ударъ судьбы;
Но надъ мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала что такое
Счастье юныхъ, нѣжныхъ дней;
Я не знала о покоѣ,
О невинности дѣтей:
Пылкой страсти вождѣленью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любви тайна сладость
Укрывалася отъ глазъ;
Вслѣдъ за ней бѣжала младость,
Какъ бѣжитъ за часомъ часъ.
Вскорѣ бѣдствіе узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала
И не вѣдала ея.
Исповѣдать грѣхъ сердечный
Я пришла, святой отецъ!
Счастья жизни скоротечной
Вѣчный роковой конецъ.

попѣ.

Если таешь ты въ страданья,
Если духъ твой изнемогъ,
Но не молишь въ покояньи:
Не проститъ Великій Богъ!

Къ Сабурову.]

Ты не хотѣлъ! но скоро волю рока
Узнаешь ты и въ бездну упадешь:
Проколетъ грудь раскаянія ножъ.
Предстану я безъ горькаго упрека
И ты тогда совсѣмъ мой взоръ поймешь;
Но о! тебѣ какъ мечь, какъ ядъ опасенъ;
Захочешь ты проступку вновь помочь:
Нѣтъ, поздно другъ, твой будетъ трудъ на-
прасенъ:

Обратно взоръ тебя отгонить прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу, какъ во снѣ:
Никто со мной дѣлать не будетъ скуку;
Такихъ друзей не надо больше мнѣ;
Ты хладенъ былъ, когда я зрѣлъ несчасть
Или ударъ печальной клеветы;
Но придетъ часъ: и будешь въ горѣ ты,
И не пробудится въ душѣ моей участь!..

Къ друзьямъ.

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть,—
А подчасъ и за бутылкой
Быстро время проводить.
Я не склоненъ къ славѣ громкой:
Сердце грѣетъ лишь любовью;
Лиры звукъ дрожащій, звонкій
Мнѣ волнуетъ также кровь.
Но нерѣдко средь веселья
Духъ мой страждетъ и груститъ,
Въ шумѣ буйнаго похмѣлья
Дума на сердцѣ лежитъ.

Письмо.

Свѣча горитъ! дрожащею рукою
Я окончилъ завѣтные черты;
Болѣзнь и парка мчались надо мною.
И много въ грудь тѣснилося. И ты
Напрасно чашу мнѣ несла здоровья
(Тѣжъ чудилось), съ веселіемъ въ глазахъ,
Напрасно стала здѣсь у изголовья,
И поцѣлуй любви горѣлъ въ устахъ..
Прости навѣкъ! Но вотъ одно желанье:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній разъ,
Чтобъ усладить предсмертное страданье,
Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
Далеко ты не слышишь голосъ мой
Не при тебѣ узнаю смерти муку,
Не при тебѣ оставляю міръ земной
Когда жъ письмо въ очахъ твоихъ печаль-
ныхъ

Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть можетъ, я при пѣсняхъ погребальныхъ
Сойду въ мой домъ подземный навсегда...
Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,

Или въ часы безпечнаго досуга
Сокрыты прелести твои лобзать,
Настанетъ ночь, прїѣдешь изъ собранья
И къ ложу тайному прїдешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и жаръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пахнетъ огонь на дѣвственны ланиты,
Къ груди молодой прильнетъ безвѣстный духъ
И надъ главой мелькнетъ призракъ забытый,
И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ,
Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ:
Такъ душная земли нѣмой утроба
Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ
Когда жъ въ саяхъ, въ блистательномъ
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ: [катанья,
И за тобой въ любви живомъ страданьи
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
И по груди обонхъ васъ прочмится
Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела...
Ахъ много, много я сказать желаю,
Но медленно слабѣетъ жизни духъ.
Я чувствую, что къ смерти подступаю,
И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ...
Прости... Я бѣгалъ за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любилъ,
Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ...

Къ А. С.

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ запечатѣлся...
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной...
Но я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ, какъ отчужденный
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узрѣть огонь блудящій,
Бѣжать за нимъ... схватилъ рукою.
И пропасть подъ ногой скользящей...

Къ Дурнову.

Я пробѣгалъ страны Россіи,
Какъ бѣдный странникъ межъ людей;
Вездѣ шипятъ коварства змїи:
Я думалъ: въ свѣтѣ нѣтъ друзей!
Нѣтъ дружбы нѣжно постоянной,
И безкорыстной, и простой,
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мнѣ возвратилъ покой!
Съ тобою чувствами сливаюсь,

Въ рѣчахъ веселыхъ счастье пью;
Но дѣвъ коварныхъ не терплю—
И больше имъ не довѣряю!

Къ П....ну

Забудь, любезный П....нъ,
Мои минувшія еужденья;
Нѣтъ не достоинъ бѣдный свѣтъ презрѣнья,
Хоть наша жизнь минута сновидѣнья,
Хоть наша смерть струны порванной звонъ.
Мой умъ его теперь цѣвнѣть иначе станетъ:
Наврядъ ли кто нибудь изъ насъ страну
узритъ.

Гдѣ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.
Зачѣмъ же все въ семь міръ бросить,
Зачѣмъ и счастья не найти!
Есть розы, другъ, и на земномъ пути!
Ихъ время злобно не всѣ покосить!
Пусть добродѣтель въ прахъ падетъ,
Пусть будутъ всѣ мольбы Творцу безплодны,
На вѣки гений пусть умретъ—
Вездѣ утѣхи есть толпѣ простонародной.
Но тотъ, на комъ лежитъ унынія печать,
Кто, юный, потерялъ лѣта златая,
Того не могутъ улаждать
Ни дружба, ни любовь, ни пѣсни боевыя!...
Въ день рожденія NN.
Чего тебѣ, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливымъ на разныя манеры.
И продолжай безпечно пировать
Подъ сѣнью Марса и Венеры.

Мадригалъ.

„Душа тѣлесна!“ шепчетъ смѣло.
Согласенъ, страстію дыша:
Твое прѣкраснѣйшее тѣло
Ничто иное, какъ душа!..

Эпиграмма.

Дуракъ и старая кокетка — все равно:
Румяны, горсть бѣлилъ — все знаніе его!..

Романсъ.

Дурнову.

Невинный нѣжною душою.
Не зная въ юности страстей приливъ.
Ты можешь, другъ, сказать, съ какой то
простотою:

Я былъ счастливъ!..

Кто, слишкомъ рано насладившись,
Живетъ, въ душѣ негодованье скрывъ,
Тотъ можетъ, другъ, еще сказать забывшись:
Я былъ счастливъ!..

Но я въ сей жизни скоротечной
Такъ испыталъ отчаянья порывъ,
Что не могу сказать чистосердечно:

Я былъ счастливъ!..

—

П ѣ с н я.

Свѣтлый призракъ дней минувшихъ,
 Для чего ты
 Пробудилъ страстей уснувшихъ
 И заботы?
 Ты питаешь сладострастья
 Скоротечности!
 Не гдѣ взять бывшее счастье
 И безпечности?
 Гдѣ вы дружески обѣты
 И отвага?
 Поглотились бездною Леты.
 Эти блага!..
 Щеки блѣдностью, хотъ молодѣ,
 Уже покрылись,
 Въ сердцѣ ненависть и холодъ
 Водворились!

Русская мелодія.

Эту пьесу отдавалъ за свою Ранчу Дурновъ—
 другъ, котораго понынѣ люблю и уважаю за его
 открытую и добрую душу. Онъ мой первый и по-
 слѣдній.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной
 И образовъ иныхъ существованье;
 Я цѣпью ихъ связалъ между собой,
 Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
 Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
 И рушилось невѣрное созданье!..

Такъ передъ праздною толпой,
 И съ балалайкою народной,
 Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
 И безкорыстный, и свободный!..

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ
 Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной—
 И звукъ внезапно струны оборветъ,
 И слышится начало пѣсни, но напрасно...
 Никто конца ея не допоетъ!..

Р о м а н с ъ.

Коварной жизнью недовольный,
 Обманутъ низкой клеветой.
 Летѣлъ изгнанникъ самовольный,
 Въ страну Италии златой.
 „Забуду-ль васъ, сказалъ онъ друти?
 Тебя, о сѣвера вино?
 Забуду-ль въ мирные досуги?
 Какъ веселило насъ оно?
 „Снѣга и вихрь зимы холодной,
 Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,
 И балалайки звукъ народной,
 И томный вечера прицѣвъ?
 Душа души моею! тебѣ ли
 Вакладать въ памяти моею.
 Страна далекая, печали,
 Языкъ презрительныхъ людей?
 „Лѣтъ и подъ мятромъ изумруднымъ
 И на Гельвеціи скалахъ
 И въ градѣ Рима многолюдномъ—
 Все будешь ты въ моихъ очахъ?“

Въ коляску сѣлъ, дорогой скучной,
 Закрывшись въ плащъ, онъ поскакалъ,
 А колокольчикъ однозвучный
 Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ!

В о й н а.

Зажглась, друзья мои, война
 И развились знамена чести;
 Трубой завѣтною она
 Манитъ въ поля кровавой мести.
 Простите шумные пиры,
 Хвалы достойные напѣвы,
 И Вакха мимые дары,
 Святая Русь, и красны дѣвы!
 Забуду я тебя, любовь.
 Суесть и юности отравы,
 И полечу, свободный, вновь
 Ловить вѣнокъ небренной славы!

С о л н ц е.

Какъ солнце зимнее прекрасно
 Когда, бродя межъ сѣрыхъ тучъ,
 Оно кидаетъ слабый лучъ...
 Такъ точно, дѣва молодая,
 Твой образъ предо мной блескитъ;
 Но взоръ твой, счастье обѣщая,
 Мою ли душу оживить?
 Я счастливъ тайный ядъ течетъ въ моей
 крови,
 Жестокая болѣзнь мнѣ смертью угрожаетъ!..
 Дай Богъ, чтобъ такъ случилось... ни любви,
 Ни мукъ умершій ужъ не знаетъ
 Шести досокъ жилищъ уединенный,
 Не зная ничего, оставленный забвенный:
 Ни славы зовъ, ни голосъ твой
 Не возмутятъ надежный мой покой.

* * *

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
 Когда, какъ южный метеоръ,
 Яркая безъ свѣта и красна
 Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
 Царица лучшихъ думъ пѣвца,
 И лучшій перлъ того вѣнца,
 Которымъ сводъ небесъ порой
 Гордится, будто царь земной.
 На западѣ вечерній лучъ
 Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
 И уступить все медлитъ онъ
 Лунѣ—угрюмой небосклонъ.
 Но скоро гаснетъ лучъ зари,
 Высоко мѣсяць... Двѣ плъ три
 Младья тучки окружаютъ
 Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
 Которымъ бѣлое чело
 Ему убрать позволено.
 Кто не знавалъ такихъ ночей
 Въ ущельяхъ горъ или средь степей?
 Однажды, при такой лунѣ,